

ЛІТАРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М., 2005.
2. *Миньяр-Белоручев, Р. К.* Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М., 1980.
3. *Найда, Ю. К.* Наука переводить. Принципы соответствий / Ю. К. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978.
4. *Нелюбин, Л. Л.* Наука о переводе. История и теория перевода с древнейших времен до наших дней / Л. Л. Нелюбин. – М., 2001.
5. *Соболев, Л. Н.* О переводе образа образом / Л. Н. Соболев. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1955.
6. *Коралова, Л. А.* Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода [Электронный ресурс] / Л. А. Коралова. – Режим доступа : <http://www.thinkaloud.ru/science/kor-obraz.pdf>. – Дата доступа : 05.12.2019.
7. *Россельс, В. В.* Перевод современной прозы / В. В. Россельс // Художественный перевод: Вопросы теории и практики; сост. С. С. Попкова, А. А. Оввян [и др.]. – Ереван, 1982.
8. *Гілевіч, Н. С.* Родныя дзеці: раман у вершах. – Мінск, 1985.
9. *Гилевич, Н. С.* Родные дети: роман в стихах. – М., 1988.

А. В. Никитевич

Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В эпоху глобализации наиболее значимым, существенным для исследователя славянских языков не перестает оставаться то удивительное семантическое многообразие лексики различных славянских языков, в том числе и близкородственных, поскольку «минимумы различий» между ними заслуживают самого пристального внимания.

Близкое родство русского и белорусского языков, как известно, отчасти обусловлено общностью исторических и культурных связей между этими славянскими народами. Значительна близость лексического состава, морфологии и синтаксиса. Тем больший интерес вызывает весь комплекс нетождеств и различий, обнаруживаемых при сопоставлении, казалось бы, внешне тождественных деривационных подсистем.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на следующем ряде вопросов. Что собой представляет производная лексика белорусского языка (в своей основе родственная русскому), *отсутствующая в языке русском*, относящаяся к так называемой сфере безэквивалентности? Каковы темати-

ческие группы данной лексики? Как обнаруживаемые различия связаны: а) с особенностями истории и культуры белорусского народа и б) с особенностями словообразования в белорусском языке?

В нашем анализе, не претендующем на исчерпывающую полноту, хотелось бы прежде всего обратить внимание на ту область различий, которая касается *мотивированной лексики* белорусского и русского языков. Здесь вполне возможно выделение не только отдельных слов (лакун в том или ином языке), но и целых групп единиц, которые в некотором количестве «порождены» одной словообразовательной системой и отсутствуют в другой. К примеру, в белорусском языке достаточно большой и хорошо дифференцированной предстает группа единиц, обозначающих временные отрезки и поры года. Сравните: *змярканне* ‘наступление сумерек’, *напрадвесні* ‘ранней весной, в конце зимы’, *нацямочку* ‘перед рассветом’ (ср. в рус. *встать засветло*), *налета* ‘в будущем году, будущим летом’, *налеце* ‘лето следующего года’, *надвячоркам* ‘перед наступлением вечера’, *надранне* ‘предутреннее время’, *летась* ‘в прошлом году’.

Вызывают интерес также глаголы, обозначающие действия, «сопряженные» с некоторыми временными промежутками: *заднець* ‘о времени приближения рассвета’, *заасянець* ‘повернуть на осень’, *заасяніць* ‘стать похожим на осень (по погоде)’, *зараваць* ‘встречать зарю’, *зарэць* ‘заниматься на зарю’, *днець* ‘заниматься на день’, *пералетаваць* ‘пережить лето’, *падначоўваць* ‘ночевать время от времени’, *тыдняваць* ‘заниматься чем-либо в течение недели’, *злеціцца* ‘сделаться теплой, как в летний день (о воде)’ – вада і не падумала *злеціцца* такой гарачыней...; *лунаць* ‘распространяться, расходиться в пространстве’.

Среди производных имен существительных отдельно следует отметить группу слов, характеризующих в той или иной степени родственные отношения. Например: *сямейнік* ‘член семьи’, *млынароўна* ‘дочь мельника’, *пісароўна* ‘дочь писаря’, *леснікоўна* и *леснічоўна* ‘дочь лесника’, *стара-стоўна* ‘дочь старосты’, *ткачоўна* ‘дочь ткача’. Ср. в русской диалектной речи: *батькишна* и *батьковна* волог. ‘дочь, похожая на отца или любимая им более других детей’ [1, с. 13]. Важно отметить, что «исходные» имена могут выступить в качестве производящих основ для целой группы производных, по тем или иным причинам отсутствующих в русском языке. Ср.: *леснічоўка* ‘дом лесника и его семьи’, *леснікаваць* ‘выполнять работу лесничего’, *лясоўка* (обл.) ‘лесная яблоня, плод такой яблони’, *млынарышча* и *млынiшча* ‘место, на котором стояла мельница’. В последнем случае морфонологические особенности белорусского слова *млын* ‘мельница’ позволяют эксплицировать значение, не имеющее однословного коррелята в русском языке.

Достаточно активной для системы белорусского словообразования является следующая модель: *леапардзяня* ‘детеныш леопарда’, *ластавяня* и *ластаўчаныя* (*ластаўчанё*) ‘птенец ласточки’, *крацяня* ‘детеныш крота’, *сабачаныя* (*сабачанё*) ‘маленькая собачка’, *салаўяня* ‘птенец соловья’ и даже *удадзяня* ‘птенец удода’. Как известно, появление некоторых слов может

объясняться и экстралингвистическими факторами. Осмелимся предположить, что бел. *кратоўка* ‘норка крота’ и разг. *кратавінне* ‘холмики земли, нарытые кротом’ – результат действия и этих причин.

Одной из самых интересных и значительных по числу дериватов групп являются производные, в той или иной степени обозначающие различные «точки» пространства. Например: *завуголле* ‘место за углом дома, за домом’, *прылужжа* ‘местность, окаймляющая луг’, *захлеўе* ‘место за хлевом’, *хлевішча* ‘место, где стоял хлев’, *азярышча* ‘место, где прежде было озеро’, *засень* и *зацень* ‘затененное место’, *зацішак* ‘укромное (тихое) место’, *забалаць* ‘заболоченное место’, *загароддзе* ‘место за огородами’, *залужжа* ‘о том, что расположено за лугом’, *замчышча* ‘место, где стоял или стоит замок’, *невараць* ‘место, откуда не возвращаются’. Залішне шмат у ім [слове] таго, што добра распачыналася, але знікла дазвання ў *невараці* (В. Акудовіч)...; *надрэчча* ‘местность, прилегающая к берегу реки’, *наддольны* ‘находящийся в надземном пространстве (над долом)’.

Любопытно, что в ряде случаев речь идет о достаточно детализированном представлении «пространственных координат», а сочетание «морфонологической свободы» производящей основы и активности префиксов приводит к появлению целой группы производных. Сравните: *прылужжа*, *надлужжа*, *залужжа* ‘о том, что расположено за лугом’; *надрэчча* ‘местность, прилегающая к берегу реки’, *узрэчча* ‘место, расположенное у реки’ (ср. в рус. *заречье* ‘место, расположенное за рекой’); *забалаць* ‘заболоченное место’, *узбалотак* и *ўзбалоцце* ‘край болота’.

В белорусском литературном языке в целом ряде конкретных наименований содержится точная «пространственная» мотивировка номинации. Сравните: *падвоканне* ‘место снаружи дома под окнами’, *падмосце* ‘место под мостом’, *падстолле* ‘пространство под потолком’, *падстрэшиша* ‘место под нижним краем крыши какого-либо строения’; *прыгрэбнік* (*прыгрэбак*) ‘пристройка перед входом в погреб’, *прыклецце* ‘место перед клетью’, *прысады* ‘деревья, посаженные возле, вдоль или около чего-либо’, *прысцёнак* ‘боковая пристройка’, *прыямак* ‘небольшая яма специального назначения перед или под чем-либо’; *пазахлеўе* ‘место за хлевом’. Причем значительная часть слов характеризует быт и уклад жизни человека на селе, что, естественно, не удивительно, зная историю становления и развития Беларуси.

Как видно, среди рассматриваемых номинаций встречаются производные для обозначения «координат» пространства не только конкретного, но и (в той или иной степени) абстрактного. В этой связи любопытны и некоторые наречия: *наўзбоч* (нареч., в знач. предлога) ‘на некотором расстоянии, отдельно от места, где что-либо находится, движется’. Конь чмыхнуў пры слупе, спыніўся *наўзбоч* (М. Лужанин). *Наўзбоч* гаю дзве бярозы ды з дубочкам маладым абняліся так прыгожа на ўзгорачку крутым (М. Машара). *Нагбом* разг. ‘нагибая сосуд (пить)’. Той (сусед) выцер рукавом акрываўленыя губы і пацягнуў баланду *нагбом*... (С. Александрович). Жаўнер прыпаў да вады і піў посярбам – нахіліць вядро і напіцца *нагбом* не мог з-за балячай рукі

(Я. Лецка), *назіркам* ‘не спуская глаз, не теряя из виду (идти, бежать)’. Любопытно, что встретившееся в одном из последних предложений выражение *піў посярбам* отсутствует в словарях. Есть лишь указание на глагол *сёрбаць* ‘1. Разм. Есці вадкую страву, прысмактваючы. 2. Піць, прысмактваючы. 3. Піць невялікімі глыткамі час ад часу. 4. Утвараць у час яды характэрныя гукі сёрбаньня’ [2, Т. 5, с. 125].

В словообразовании, как в зеркале, отражены не только общие и частные модели мотивации, но и некоторые особенности духовной и материальной культуры народа. Об этом, в частности, свидетельствуют и рассматриваемые нами слова белорусского языка, отсутствующие в русском. Например: *лежанка* разг. ‘вылежавшийся для доспевания плод садового дерева’, *масціна* и *маставіна* ‘доска или бревно в мосту’, *межытока* обл. ‘дорога, соединяющая два озера или болота’, *мінавіца* разг. ‘путь или дорога, проходящая мимо чего-либо в обход’, *мянташка* ‘наждачная лопатка для точки косы’ и, соответственно, *мянташыць* ‘точить косу с помощью мянташки’, *пластаваць* ‘ползти по-пластунски’, *недасаль* обл. ‘недосоленная еда’, *надворак* ‘двор возле дома’, *надзежнік* ‘холст для накрывания дежи с квашней’. Пасля дзяжу накрываюць *надзежнікам* і накладваюць века, а зверху, перахрысціўшыся, ухутваюць кажухом (М. Лужанин). Ср. в русском *дежа* обл. ‘деревянная кадка, в которой обычно растворяют и месят тесто; квашня’ [3, Т. 3, с. 646].

Специфика некоторых слов белорусского литературного языка (в известных нам словарях отсутствуют какие-либо иные пометы) позволяет обратиться к лексическому фонду... русской диалектной речи. Слишком очевидна семантика и построение некоторых производных. Знание фактов диалектного словообразования (безусловно, с учетом того, что это особая подсистема) позволяет более глубоко понять механизм деривации как процесса и в литературном языке, а также более рельефно представить ту степень различий, которые могут обнаруживаться между близкородственными языками. В этой связи важно отметить, что некоторые из рассматриваемых ниже слов отмечены и в русских говорах на территории Беларуси, о чем свидетельствует словарь А. Ф. Манаенковой [4]. Прозрачность «внутренней формы» некоторых диалектизмов дает возможность провести интересные (и порой неожиданные) параллели при сопоставлении деривационных подсистем русского и белорусского языков.

С учетом указанных обстоятельств приведем примеры из русской диалектной речи: *дворовик* ‘неопределенное название всего того, что относится ко двору’, *деревина* ‘отдельное дерево’, *заглуха* (ср. урал.) ‘глухое место, глушь’, *залуговеть* ‘покрыться травой, стать лугом’, *заколотеть*, *заколотить* (олон., волог., сев.) ‘стать непроезжей, будучи заваленной упавшими деревьями, колодами (о дороге)’, *истопле*, *истопок*, *истопье* ‘количество дров на одну топку печи, охалка дров, которая укладывается в печь’, *каплюга* (курск., тамб.), *каплюжник* (пенз., тамб., ворон.) ‘тот, кто собирает вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напивается этим’.

каплюжить ‘собирать вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напиваться этим’, *квасник* ‘деревянная посуда для приготовления и хранения кваса’, *лакомка*, *лакомник* ‘принадлежность женской, обычно праздничной одежды – мешочек для конфет, других сладостей, мелких вещей или денег, привешиваемый к поясу’, *ленивка* ‘широкая скамья, лежанка у печи’, *лещевик* (симб., Даль) ‘сеть с большими ячейками для ловли лещей или другой крупной рыбы’.

Как видно, среди приведенных примеров есть и такие, которые в полной мере представляют духовную и материальную культуру русского и белорусского народов. Причем есть и факты тождественные, и тонкие различия. Так, например, в [5] ошибочно указывается, что в белорусском языке есть слова *набірак* обл. ‘берестяная или лубяная коробочка, в которую набирают ягоды, грибы и под.’, *дзядзіна* ‘жена дяди’, *замужніца* ‘замужняя женщина’, якобы отсутствующие в русском языке. Однако ср.: *набирка*, *набирок* (ряз., сиб., иркут...) ‘Корзина, лукошко из бересты или лубка для собирания ягод, грибов’ [1, с. 113], *дядина* ‘жена дяди’, *замужница* ‘замужняя женщина’ [4, с. 61, 72].

Как уже мы однажды отмечали [6, с. 475], активность белорусской глагольной модели на *-аваць* способствовала реализации целого ряда семантических позиций в белорусском языке, в отличие от русского. И приводили среди прочих пример глагола *дзедаваць* в значении ‘быть дедом’ (І заважаў я што ў званні дзеда сёння многа несівых мужчын: вось адзін такі *дзядуе* у сорака) (М. Кусянкаў). Однако в культурно-историческом плане интересен другой глагол – *дзедаваць*, семантика которого связана с древним обычаем, обрядом поминовения усопших. Ср.: А памятаеш, у тых, бывала, што за стол *дзедаваць* сядуць... (А. Калюча). Аналогично: *запасваць* ‘совершая древний обряд, выгонять скот на пастбище впервые после зимы’. Цяпер няма такога звычайу, а раней *запасвалі* кароў (Л. Калюга).

Среди производных слов белорусского языка, отсутствующих (как однословные номинации) в русском языке, особую группу единиц представляют наименования лица. Ср.: *плечавень* обл. ‘плечистый человек’, *навуковец* ‘человек, занимающийся наукой’, *недавьярак* ‘человек, не верящий во что-либо, кому-либо’, *непакора* ‘тот, кого невозможно покорить’, *нецярылівец* ‘тот, кому не свойственно терпение’, *нешчаслівец* ‘несчастливый человек’, *нікчэмнік* ‘никчемный, ничтожный человек’, *лірнік* ‘музыкант, играющий на лире’. Как известно, самыми причудливыми с точки зрения характера мотивации могут оказаться и номинации лица в русских диалектах. Например: *водоход* (арх.) ‘тот, кто хорошо плавает и ныряет’, *грустилка* (курск.) ‘тот, кто грустит, печалится’, *дележер* (моск.) ‘тот, кто делит что-л.’, *долгоспан* (перм.) ‘о том, кто долго спит, поздно встает’, *заболотень* ‘человек, живущий за болотами’, *запечник* (твер., олон.) ‘о том, кто любит посидеть на печи, особенно при появлении в избе посторонних’, *заспа* (пск., твер.) ‘тот, кто много спит, ходит с заспанным видом; соня’, *игральник* (олон., арх.) ‘молодой человек, ухаживающий за девушкой’, *игральница*

(олон.) ‘девушка, за которой ухаживает какой-либо молодой человек’, *каждогодки* (новосиб.), *кажелетки* (курск.) ‘погодки (о детях)’, *катальник* (твер., арх.) ‘тот, кто катается на санках и т.п.’, *ковшарь* (костром.) ‘мастер, делающий ковши’, *косолатина* ‘о косолапом, неуклюжем человеке’, *кочерука* (волог.) ‘о человеке со сломанной рукой’, *красовар* (влад.) ‘мастер, умеющий готовить (варить) краски’, *кроватьник* (олон.) ‘человек, убирающий кровать’, *лазак* (арх., ср. урал., омск.) ‘тот, кто хорошо залезает на деревья, в том числе – для сбивания кедровых шишек’, *легкоум*, *легкоумок* (пск., твер.) ‘дурачок, слабоумный’.

Рассмотрение такого обширного и намеренно разнородного материала в сопоставительном плане свидетельствует и о единых закономерностях процессов деривации в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, и о том, что в белорусском литературном языке существуют весьма специфические по своему содержанию лексемы (и их, надо признать, немало), более напоминающие слова, которым в [3] присваивается «областное». Есть, конечно, и фактор некоторой неупорядоченности соответствующих помет в лексикографических источниках, но и с учетом этого обстоятельства можно констатировать, что в белорусском литературном языке в большей степени, чем в русском языке, ощущается диалектная основа, так как это совсем молодой литературный язык (в сравнении опять же с русским языком). Поэтому при чтении белорусской литературы этот язык предстает столь самобытным, приближенным к народной основе.

При исследовании *границ деривационного потенциала* системы языка на второй план могут отступать не только факторы стилистического расслоения лексики (разг., простор.), но и принадлежность производной единицы к ареалу употребления (литературный язык, диалект). Для деривации, исследования закономерностей словообразовательной мотивации ценность может представлять любой факт: не только создания слова, но и сама возможность проекции (находящей свое подтверждение в родственной языковой системе) той или иной корневой морфемы в известный класс единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литвинникова, О. М.* Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи / О. М. Литвинникова, М. А. Алексеенко, Л. И. Головина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – 306 с.
2. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* / Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. – Мінск, 1977–1984. – Т. 1. – 5.
3. *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – Т. 1. – 17.
4. *Манаенкова, А. Ф.* Словарь русских говоров Белоруссии / А. Манаенкова. – Минск: Университетское, 1989.

5. Шкраба, І. Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І. Г. Шкраба. – Мінск, 2008.

6. Никитевич, А. В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах русского и белорусского языков // Branko Tošovic (Hg.). Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie. – Wien, Münster, Berlin: LitVerlag, 2009. – S. 473–486.

В. В. Панежа

Магілёў, БРУ

САДЗЕЙНІЧАННЕ БЕЛАРУСКІМ ЗЯМЛЯЦТВАМ ЗА МЯЖОЙ
У ЗАХАВАННІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ І КУЛЬТУРЫ
(з вопыту работы з Новасібірскім цэнтрам беларускай культуры)

Культурная самабытнасць у эпоху глабалізацыі – з’ява надзвычай актуальная. Кожны народ імкнецца захаваць сваю культуру, традыцыі, мову. Па апошніх падліках, амаль 3,5 мільёны этнічных беларусаў жывуць за межамі сваёй радзімы. Традыцыі аўтэнтычнай культуры з’яўляюцца прадметам пастаяннай цікавасці беларускіх дыяспар у замежжы. Любоў да сваёй зямлі, свайго народа – зразумелая і натуральная з’ява для кожнага чалавека. Аднак гэта любоў не ўзнікае сама па сабе, яе трэба далікатна і ненадакучліва прывіваць, прычым з ранняга дзяцінства. Сёння большая частка эмігрантаў, якія з’язджаюць з Беларусі, не маюць глыбокай нацыянальнай і культурнай сувязі са сваёй Радзімай. Таму і паўстае пытанне захавання беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці не толькі на Бацькаўшчыне, але і па-за яе межамі.

Патрыятызм заўсёды яднаў нашых продкаў. Любоўю да Бацькаўшчыны, Айчыны, бацькоўскай зямлі напоўнены і сэрцы сучаснікаў. Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч пісаў: «Кожнае Божае стварэнне прывязваецца да роднага кута, у якім, выходзячы з мацярынскага лона, выдала першыя гукі, у якім, падтрыманае чулымі, клапатлівымі рукамі бацькоў, ставіла першыя крокі». Ніл Гілевіч таксама быў перакананы: «У глыбінях зямлі нашых душ карані...».

Знаёмыя клічуць мясціны –
Рачулкі, лясы і палі.
Заўсёды са мною часцінка
Святой беларускай зямлі.

Такімі радкамі пачынаецца кніга «В Беларусі мои родники». Яна выдадзена ў Новасібірскім цэнтры беларускай культуры. У кнізе сабраны ўспаміны прадстаўнікоў розных пакаленняў беларусаў, якія жывуць у Новасібірску і вобласці. У невялікіх аповедах адчуваецца шчырая любоў да продкаў, да гістарычнай Радзімы – Беларусі. А яшчэ, безумоўна, да мовы